401. в.

6386
III

ХУДОЖНИКЪ
и
МОРАЛИСТЪ
въ
Л. Н. ТОЛСТОМЪ.

Рѣчь проф. А. П.
КАДЛУБОВСКАГО.

ИЗЪ КНИГЪ
ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВИЧА
СПЕРАНСКАГО
Отдѣлъ Г
№

Харьковъ. Тип. М. Зильберберга и С-вья.

Художникъ и моралистъ

въ

Л. Н. Толстомъ.

Рѣчь проф. А. П. Кадлубовскаго.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.
Донецъ-Захаржевская, с. д., № 6.
1911.

Художникъ и моралистъ въ Л. Н. Толстомъ.

*(Рѣчь проф. **А. П. Кадлубовскаго**).*

„Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности!.. Другъ мой, великій писатель русской земли, внемлите моей просьбѣ". Такъ заклиналъ Л. Н. Толстого со смертнаго одра въ своемъ знаменитомъ письмѣ Тургеневъ, въ 1883 году. Онъ убѣждалъ его стать вновь художникомъ слова, переставъ быть религіознымъ мыслителемъ и моралистомъ. Толстой-художникъ и Толстой-моралистъ, это въ пониманіи Тургенева два различные образа, представляемые разными эпохами его жизни, на рубежѣ которыхъ стоитъ душевный переворотъ. Это и обычное пониманіе. О переворотѣ говоритъ самъ Толстой въ „Исповѣди" и другихъ сочиненіяхъ, говорятъ его біографы, говорятъ въ широкихъ кругахъ общества; послѣ переворота не художественные образы, а религіозная идея царитъ въ его душѣ, не воспроизведеніе жизни, а „заглядываніе за предѣлы жизни" замѣчаютъ у него біографы. И оба эти момента дѣятельности Толстого нерѣдко столь различно оцѣниваются.

Но съ другой стороны самъ Толстой говоритъ о переворотѣ, что онъ „давно готовился", и что „задатки его всегда были" въ его душѣ[1]). И, дѣйствительно, если мы всмотримся въ дѣятельность писателя, то значительно сгладятся передъ нами рѣзкія черты переворота. Разница несомнѣнна, но есть и глубокая связь между обоими моментами его дѣятельности. Да и слишкомъ цѣльной фигурой былъ Толстой, чтобы онъ могъ столь быстро и рѣшительно мѣняться; онъ, дѣйствительно, мѣнялся, мѣнялся до противорѣчій, но эти противорѣчія касались не основъ его міросозерцанія, а примѣ-

[1]) *П. Бирюковъ*, Л. Н. Толстой, II, 309.

ненія ихъ, выводовъ изъ нихъ; основы же міросозерцанія медленно, но неуклонно, послѣдовательно, все ярче раскрываются ему и съ давняго времени видны въ его произведеніяхъ: не только въ „Аннѣ Карениной“, но и въ „Войнѣ и Мирѣ“, и въ педагогическихъ статьяхъ, и уже въ первомъ произведеніи: „Дѣтство, отрочество и юность“. Даже въ мелочахъ, даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ можно видѣть сходство, до совпаденія между тѣмъ, что мы находимъ въ сочиненіхъ перваго и второго періодовъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

„Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ... Пока есть жизнь, есть наслажденіе самосознанія Божества. Любить жизнь — любить Бога“. Кто это говоритъ? Пьеръ Безухій, во второй части „Войны и Мира“; и почти то же, но болѣе ясно и связно говоритъ самъ Толстой въ „Исповѣди“. „Какъ легко, какъ мало усилій нужно, чтобы дѣлать такъ много добра, и какъ мы мало объ этомъ заботимся“: это слова того же Пьера; и какъ часто мы находимъ ихъ въ нравоучительныхъ сочиненіяхъ Толстого, какъ часто вообще Пьеръ говоритъ и думаетъ то, что впослѣдствіи говоритъ самъ Толстой. А споры Пьера съ Андреемъ Болконскимъ о вѣчной жизни! А дивныя страницы, гдѣ изображается душевное просвѣтлѣніе князя Андрея, его примиренное настроеніе, когда „въ его душѣ распустился цвѣтокъ любви вѣчной“, и когда онъ любовью проникся къ злѣйшему врагу своему! Развѣ это не чудная иллюстрація къ словамъ Толстого-моралиста о любви, всепрощеніи? А вотъ слова, обращенныя къ воюющимъ людямъ: „Довольно, довольно, люди! Перестаньте. Опомнитесь, что вы дѣлаете?“ Неустанно говорилъ эти слова Толстой-моралистъ, но гораздо раньше они слышались ему въ шумѣ дождя, накрапывавшаго на поле Бородинской битвы и изображеннаго имъ въ „Войнѣ и Мирѣ“. Такихъ совпаденій можно найти очень и очень много. А уходъ Толстого изъ дому, этотъ удивительный предсмертный уходъ, который яркимъ аккордомъ завершилъ его полную исканія правды жизнь и удостовѣрилъ нравственную цѣльность его душевнаго образа для многихъ, сомнѣвавшихся въ ней! Толстой давно переживалъ потребность такого ухода и воплотилъ ее

въ одномъ изъ лучшихъ своихъ образовъ, которые являются носителями его идеаловъ кротости, любви, правды, самоотреченія, въ образѣ княжны Марьи Болконской: недаромъ она проводитъ время съ странницами и богомолками и сама стремится уйти въ странствіе: „она, наконецъ, рѣшила, что, какъ ни странно это было,—ей надо было идти странствовать... Княжна Марья припасла себѣ полное одѣяніе странницы... Въ воображеніи своемъ она уже видѣла себя съ Ѳедосьюшкой, въ грубомъ рубищѣ, шагающей съ палочкой и котомочкой по пыльной дорогѣ, направляя свое странствіе безъ зависти, безъ любви человѣческой, безъ желаній, отъ угодниковъ къ угодникамъ... «Приду къ одному мѣсту—помолюсь; не успѣю привыкнуть, полюбить—пойду дальше и буду идти до тѣхъ поръ, пока ноги подкосятся, и лягу и умру гдѣ нибудь, и приду, наконецъ, въ ту вѣчную, тихую пристань, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія»... думала княжна Марья“. И черезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ того, какъ были написаны эти строки, ихъ авторъ самъ пошелъ, наконецъ, въ подобное странствіе...

Впечатлѣніе будетъ сильнѣе, если мы всмотримся въ то міропониманіе, которое лежитъ въ основѣ произведеній Толстого и, можетъ быть, съ особою яркостью высказалось въ „Войнѣ и Мирѣ“. Дѣло въ томъ, что о рѣзкости душевнаго переворота въ Толстомъ говорятъ по преимуществу тѣ, кто цѣнитъ въ немъ, какъ художникѣ, яркаго изобразителя разнообразнѣйшихъ явленій жизни. Да, онъ дивный живописатель: онъ все, кажется, въ жизни понимаетъ, все ему открыто; онъ все замѣчаетъ, все улавливаетъ своимъ чуткимъ сердцемъ, все помнитъ, отъ великаго до малаго; къ явленію, которое мы пропускаемъ сплошь и рядомъ мимо, онъ отнесется любовно и внимательно, покажетъ намъ его красоту и смыслъ. И подробности богослуженія, и охота, и война, жизнь лагеря, обыденная крестьянская обстановка, жизнь пчелинаго улья (вспомнимъ сравненіе опустѣвшей Москвы съ ульемъ), мысли и чувства лошади... все такъ удивительно воспроизведено имъ; онъ все знаетъ съ обстоятельностью спеціалиста и съ поразительнымъ мастерствомъ умѣетъ все изобразить. Но, вѣдь, это одинъ, можно сказать—

объективный, элементъ поэзіи; въ ней, какъ вообще въ искусствѣ, есть другой элементъ, субъективный: изъ безпредѣльнаго міра явленій художникъ дѣлаетъ выборъ; но и выбранное онъ изображаетъ сквозь призму своей души; его образы— это способъ объясненія міра и жизни со своей точки зрѣнія, это средство дѣлиться съ нами своимъ міропониманіемъ; это такъ называемая „внутренняя форма“ поэзіи, ея существенное свойство; въ соприкосновеніи съ душою художника открывается для насъ огромный источникъ наслажденія, тѣмъ высшаго, чѣмъ яснѣе образы, вводящіе насъ въ его душу, и чѣмъ чище и выше его настроеніе, чѣмъ глубже его пониманіе.

Въ художественныхъ созданіяхъ Толстого съ рѣдкою ясностью выразилось его личное міропониманіе. Основа его— идея религіозно-нравственная, и содержаніе ея близко къ его моральному ученію послѣдняго періода.

Біографъ говоритъ о „заглядываніи за предѣлы жизни“ въ этомъ періодѣ; но имъ полны художественныя созданія Толстого, и самое слово „заглядывать“ взято у его Пьера [1]). Какъ часто изображаетъ онъ намъ таинство смерти, какъ глубоко провидѣлъ онъ душу умирающаго, и какъ далеко проникалъ его взоръ, до крайнихъ предѣловъ жизни, точно стремясь перейти за роковую грань, отдѣляющую жизнь отъ тайнъ вѣчности; какъ часто любимые герои его, надѣленные имъ его собственными душевными переживаніями, волнуются вопросами о переходѣ въ иной, таинственный міръ. За пестрымъ міромъ явленій онъ такъ любитъ чувствовать высшія силы, общія начала жизни; а смерть, какъ и рожденіе человѣка, были для него обстоятельствами, при которыхъ эти высшія силы особенно чувствуются, были „какъ будто отверстіями, сквозь которыя показывается что-то высшее“ [2]). Великій реалистъ, любящій и рисующій жизнь во всей ея полнотѣ, онъ, однако, такъ любитъ изображать эти таинственные моменты, да и другіе подобные моменты, когда человѣкъ, подъ вліяніемъ особаго напряженія своего духов-

---

[1]) „Война и Миръ“, т. II, ч. II, гл. 12.

[2]) „Анна Каренина“, ч. VII, гл. 14.

наго существа, какъ бы соприкасается съ высшею силою провидитъ больше обыкновеннаго; въ такомъ состояніи герои его достигаютъ удивительнаго взаимнаго пониманія, хотя бы немощное слово ихъ и не могло раскрыть вполнѣ ихъ душевнаго міра; на этомъ чуткомъ взаимномъ пониманіи строится любовь у лучшихъ его героевъ; это—и въ „Семейномъ счастьѣ“, и въ „Войнѣ и Мирѣ“, и въ „Аннѣ Карениной“ (Левинъ и Кити); и благодаря такой точкѣ зрѣнія эта любовь становится какимъ-то особенно сладкимъ чувствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даже страшнымъ тѣми глубинами душевной жизни, которыя оно открываетъ.

Такое устремленіе вниманія въ область высшихъ міровыхъ началъ жизни составляетъ какъ бы основу всего грандіознаго зданія его литературной дѣятельности. И съ высоты этого воззрѣнія онъ смотритъ на жизнь человѣка; онъ такъ чувствуетъ ничтожество уединенной человѣческой личности; онъ старается уловить таинственное, неуловимое, но могучее стремленіе массъ человѣческихъ и ихъ дѣлаетъ вершителями судебъ историческихъ; крѣпокъ и истинно жизненъ для него тотъ, кто провидитъ высшія начала жизни, кто чувствуетъ жизнь народа, кто сознаетъ свою немощь и восполняетъ ее братскою любовью и участіемъ къ другимъ, къ слабымъ людямъ, отказываясь отъ своей личности; и немощь человѣка исчезаетъ за мощью народа. Вспомнимъ Кутузова съ его чуткимъ вниманіемъ къ народному духу, источникомъ спокойной его силы. Сліяніе съ народной массой или стремленіе къ нему противоположно всякой рисовкѣ, напротивъ, ведетъ къ скромности и простотѣ. Толстой давно уже видѣлъ красоту жизни и правду ея въ простой обстановкѣ крестьянина; въ „Войнѣ и Мирѣ“ безграмотный солдатъ Платонъ Каратаевъ научалъ высокообразованнаго аристократа Пьера Безухаго правдѣ жизни задолго до Толстовской проповѣди опрощенія; но и еще раньше, съ первыхъ лѣтъ художественной дѣятельности Толстого мы уже чувствуемъ у него это отношеніе къ крестьянину. Личную истинную радость его герои испытываютъ тогда, когда они проникаются любовью къ людямъ, духомъ прощенія и самоотреченія; тогда и жизнь имъ становится легка и ясна; путемъ стра-

даній, просвѣтляясь и очищаясь ими, доходятъ большею частью они до этого состоянія; такую „радость прощенія“ испыталъ и сухой Каренинъ, и то, что было источникомъ его страданій, стало источникомъ его духовной радости, то, что казалось неразрѣшимымъ, когда онъ осуждалъ, упрекалъ и ненавидѣлъ, стало просто и ясно, когда онъ прощалъ и любилъ“ [1]). Такимъ образомъ, если исканіе правды и добра отличаетъ Толстаго-проповѣдника, то вѣдь на немъ построены и его художественные образы. А гдѣ нѣтъ любви и смиренія, добра и правды, тамъ жизнь, хотя бы казалась красивой, представляется ему жалкой и смѣшной. И если въ послѣднемъ періодѣ Толстой нападаетъ на фальшь и ложь нашей жизни, на ея мишурную красоту и блескъ, бичуя всякую ходульность, эгоизмъ, такъ и въ художественныхъ образахъ разоблачалъ онъ истинное ничтожество ходульнаго, мнимаго героизма, изобличалъ ложное, эгоистическое величіе; съ гигантской силы юморомъ рисовалъ онъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, въ противоположность Кутузову, призрачное величіе Наполеона. Обманчивую красивость свѣтской жизни Толстой-художникъ также раскрываетъ передъ читателемъ, обнажая ея фальшь и зло, съ тою же безпощадностью, съ какой это онъ дѣлалъ позднѣе, какъ моралистъ. Стоитъ вспомнить хотя бы сцены салонной жизни въ „Войнѣ и Мирѣ“ или хотя бы тѣ проникнутыя ѣдкимъ юморомъ страницы „Анны Карениной“, гдѣ Вронскій считаетъ свои весьма не малые доходы, которыхъ однако не хватаетъ на покрытіе его потребностей, и гдѣ приводятся правила, которыми руководился онъ въ жизни, и которыя „были несомнѣнны“ для него [2]).

Такъ художественное чутье опережало теоретическую мысль автора. Во второмъ періодѣ нравственно-религіозныя воззрѣнія его выражаются уже въ формѣ теоретической проповѣди; разбросанные лучи религіозно-нравственнаго міросозерцанія ясно сознаны теперь и приведены въ систему, найдя себѣ средоточіе и твердую опору въ Евангеліи; а

---

[1]) „Анна Каренина“, ч. IV, гл. 19.

[2]) Часть III, гл. 19—20.

главное отличіе этого періода то, что Толстой теперь старается дать своимъ принципамъ практическое примѣненіе къ жизни, какъ собственной, такъ и другихъ людей, призывая ихъ къ Богу, къ размышленію о смыслѣ жизни, къ любви и простотѣ, убѣждая ихъ перестроить жизнь въ духѣ его идей.

Но художникъ не умеръ въ Толстомъ и послѣ „Анны Карениной“: онъ пишетъ „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяина и Работника“, „Воскресеніе“; да и въ теоретическихъ своихъ разсужденіяхъ онъ прибѣгаетъ постоянно къ образнымъ поясненіямъ своей мысли, такимъ иногда мѣткимъ, яснымъ, всегда простымъ и потому особенно убѣдительнымъ. Много этихъ образовъ особенно въ сочиненіи „О жизни“, также въ „Исповѣди“ и другихъ трудахъ. Иногда это старый, избитый образъ, который получаетъ у Толстого новую жизнь и силу: таковъ образъ челнока въ морѣ, означающій нашу жизнь; большинство образовъ взяты изъ самой обыденной дѣйствительности, всѣмъ извѣстной: припомнимъ сравненіе жизни съ мельницей (начало сочиненія „О жизни“, гдѣ сравнивается человѣкъ, разсуждающій о жизни и изслѣдующій ея смыслъ, съ мельникомъ, изучающимъ мельницу); сравненіе житейской сутолоки съ оживленною толпою у входа въ какое-нибудь собраніе, толпою, которую неопытный человѣкъ принимаетъ за самое собраніе; сравненіе человѣка, не интересующагося вопросами о смыслѣ жизни, объ истинномъ ея благѣ,—со слѣпымъ, который „тыкаетъ передъ собою палкой и утверждаетъ, что и нѣтъ ничего, кромѣ того, что показываетъ ему ощупь палкой“; изученіе законовъ вещества, если изучающій признаетъ только животное существованіе человѣка, „подобно,—говоритъ Толстой,—тому, что́ бы дѣлалъ человѣкъ, внимательно изучая всѣ измѣненія и движенія тѣни живого существа, предполагая, что причина движенія живого существа заключается въ измѣненіяхъ и движеніяхъ его тѣни“; укажу еще превосходные образы въ „Послѣсловіи къ Крейцеровой сонатѣ“, которыми Толстой хочетъ охарактеризовать значеніе христова ученія, какъ высочайшаго идеала: сравненіе его съ фонаремъ, который путникъ несетъ передъ собою на шестѣ, и который потому всегда

впереди его и освѣщаетъ ему путь, въ отличіе отъ неподвижнаго, висящаго на стѣнѣ, фонаря; сравненіе его съ компасомъ или небесными свѣтилами, руководствуясь которыми можно смѣло пускаться въ открытое море. Впрочемъ, довольно: такихъ образныхъ поясненій очень много. Чуткій и внимательный къ жизни, художникъ и теперь подмѣчаетъ всякую мелочь, какъ и раньше; эта мелочь становится для него художественнымъ образомъ, въ которомъ воплощается важная, общая, жизненная мысль. Отмѣчу любопытный примѣръ въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать?“ Мясникъ точилъ ножъ о камни тротуара; Толстой задумался надъ этимъ обстоятельствомъ, и оно становится для него образомъ, которымъ онъ пользуется для объясненія нѣкоторыхъ явленій жизни.

Разница съ предыдущимъ творчествомъ, между прочимъ, въ томъ, что Толстой тутъ же даетъ образу поясненіе, дѣлаетъ примѣненіе его къ жизни, вслѣдствіе чего самый образъ получаетъ значеніе служебное, обращается въ аллегорію, въ притчу. Но это толкованіе съ особою наглядностью и силою разъясняетъ намъ, почему и прежде, всегда его интересовало все, и великое и малое, вѣрнѣе—все для него было велико: ибо сквозь всякую мелочь видѣлъ онъ общее, важное; во всемъ чуялъ онъ проявленіе міровой жизни, вѣяніе „Всемірнаго Духа“, какъ онъ иногда выражался.

Проповѣдуя свои идеалы абсолютной правды, безпредѣльной любви и кротости, Толстой продолжаетъ и свою работу отрицанія и обличенія, бичуя все лживое, пустое, себялюбивое и гордое, въ чемъ бы онъ его ни усматривалъ, бичуя уже прямо, непосредственно, и безъ помощи художественнаго образа. И подъ часъ слишкомъ разойдется, бывало, его бичующая рука, опрокидывая наряду съ тѣмъ, что этого стóитъ, и предметы высокой цѣнности; не будемъ перечислять ихъ; вспомнимъ хотя бы нападки на Шекспира, на науку... Но важно, во имя чего онъ отрицаетъ; важно, что онъ непрестанно и страстно ищетъ правды и отрицаетъ то, въ чемъ видитъ фальшь и неправду, эгоизмъ и черствость, хотя бы иногда и ошибался, усматривая въ томъ или иномъ отдѣльномъ явленіи эту неправду, этотъ эгоизмъ.

И оттого не столь страшно отрицаніе Толстого: можно чтить въ немъ глашатая правды и любви, не раздѣляя многихъ и многихъ его отрицаній; въ разрушеніи его слышится созиданіе: онъ разрушаетъ тлѣнное, онъ стремится создать нетлѣнное, нетлѣнный храмъ добру и правдѣ въ сердцахъ человѣческихъ.

Не подобное ли впечатлѣніе производилъ и самъ Толстой, какъ живой человѣкъ? Мы привыкли къ его портретамъ, съ насупленными бровями, съ угрюмымъ какъ будто видомъ; и мы знаемъ, что многіе, помня этотъ образъ, боялись вступать съ нимъ въ общеніе; но всѣ вступавшіе *въ общеніе съ нимъ разсказываютъ, какъ покорены бывали* они его мягкимъ и ласковымъ взглядомъ, его привѣтливою рѣчью, его ободряющимъ участіемъ...

Итакъ, и художникомъ оставался Толстой до конца своей литературной дѣятельности, и съ другой стороны никогда, и въ раннее время, не выходило изъ-подъ его пера произведенія безъ глубокой нравственно-религіозной идеи; могучимъ свѣтомъ этой идеи озарена та широкая картина жизни, которую даютъ намъ его художественныя созданія; и еще въ „Войнѣ и Мирѣ“ онъ далъ намъ ключъ къ уясненію художественныхъ образовъ своей грандіозной эпопеи въ знаменитыхъ словахъ: „нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды“. Разница двухъ періодовъ дѣятельности Толстого та, что въ первомъ художественный образъ господствуетъ въ его дѣятельности, выдвигается на первый планъ, хотя и стоитъ на религіозно-нравственной основѣ; во второмъ онъ отодвигается на второй планъ, служа уясненію прямой, непосредственно излагаемой проповѣди. И художникъ и моралистъ въ Толстомъ тѣсно связаны: моралистъ далъ прекрасный комментарій къ его художественнымъ созданіямъ, художникъ — прекрасныя иллюстраціи, образы для уясненія моральнаго его ученія. Передъ нами крѣпкая, цѣлостная личность, могучая въ своей искренности, непрестанномъ исканіи правды, послѣдовательно развивающая основныя начала своего міросозерцанія.

Своей основной идеѣ служилъ онъ, хотя и въ разныхъ формахъ, всю жизнь, устремляя свою мысль въ область вѣч-

наго, непреходящаго, „съ высоты взирая на жизнь“, уясняя и возвѣщая міру начала „простоты, добра и правды“, призывая людей къ водворенію царства любвии кротости.

Немало наслажденій еще доставитъ намъ изученіе того длиннаго и труднаго процесса, которымъ онъ, медленно, но неуклонно, въ тяжкихъ бореніяхъ съ самимъ собою, восходилъ къ болѣе ясному созерцанію основъ своего міросозерцанія. Нынѣ смерть пресѣкла этотъ процессъ, который можетъ быть еще продолжался бы; можетъ быть, великій писатель не сказалъ своего послѣдняго слова. Но сущность его душевнаго міра уже достаточно раскрыта передъ нами. И вотъ, когда мы видимъ, какъ съ момента его болѣзни и послѣ его кончины высокое напряженіе охватываетъ русскій народъ, больше того—весь цивилизованный міръ, жадно всматривающійся въ образъ отошедшаго отъ насъ учителя, вслушивающійся въ его голосъ, и такъ долго поддерживается, не спадая,—не должны ли мы думать, что лучше начинаетъ сознаваться цѣнность основныхъ положительныхъ началъ его проповѣди, и не даетъ ли намъ это явленіе хотя бы малый залогъ надежды на то, что его идеалы любви и мира когда нибудь найдутъ наконецъ осуществленіе? Хотѣлось бы вѣрить.

1406.

Харьковъ. Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.

Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.